

Он ставит несколько спектаклей в год, пишет книги, ведет программу на телевидении, занимается ремонтом здания собственного театра. В его жизни нет места ничему, кроме творчества. Даже в... при приготовлении котлет на пару.

— Ваш домашний автоответчик стихами разговаривает. Вы всегда находите в жизни место для поэзии?

— Да, я все время сочиняю. Как раз сегодня записал на автоответчик новую строку: «Прошлое — это скакун, на которого ложится сегодняшний день». До этого было: «Когда увидите, как опадают листья, ловите их руками, чтоб не ушиблись». Все сам придумываю. Кстати, еще немецкий поэт Гельдерлин ставил вопрос: «Зачем поэт в убогое время?»

— Так он этот вопрос ставил совсем в другое время. Что же, получается, любое время — убогое?

— Наше время — время воинствующей пошлости и убожества. Посмотрите, что происходит на телевидении, все эти сериалы...

— Но ведь и ваши актеры в них снимаются, да и вы сами выступили как актер в сериале «Ростов-папа»!

— Его делал режиссер Кирилл Серебренников, это идеальный вариант. Но этот фильм не имел такого успеха, как другие! Поэты Серебряного века правильно и честно размежевались: есть мы — и есть народ, народ нас никогда не поймет.

— Вы тоже размежевались? По-моему, вас народ

очень даже хорошо понимает: пожалуй, вы — самый известный театральный режиссер страны.

— В советское время, когда я первым ставил пьесы изгоев, врагов системы — Вампилова, Петрушевскую, — на мои спектакли приходили те зрители, которые понимали, что здесь их боль будет услышана. Жиринский прислал телеграмму, что я самая яркая звезда XX века. Кушанавили меня недавно представил: «Вот человек, который столько лет проветривал наши мозги». Но мне действительно удается играть «на двух барабанах». Приходит ко мне и обычный зритель, который должен на следующий день своей соседке Мане доложить, что был в театре, и пересказать о чем спектакль. Если режиссер плюет на сюжет и выражает себя «до дна», люди даже не пошевеливаются, чтобы к нему пойти. Мы со «Служанками» поначалу объехали 34 страны, и поначалу была пустыня. А сейчас едем со спектаклем «Нездешний сад» о Нуриеве — и везде полные залы.

Демидова и Доронина — мои бабочки

— Народная любовь, наверное, проявляется не только цветами и аплодисментами?

— Однажды мы ехали из Харькова в Донецк на микроавтобусе, самолеты почему-то не летали. Я, Шифрин и Маковецкий должны были играть спектакль «Любовь с придурком». Ехать долго, и, конечно, хочется уже, как говорится... А на дворе зима. Я Фиме и Сереже говорю: «Дети, потертите, в лес идите — это пошло». В каком-то райцентре мы заметили сельпо, рядом пристройка в виде будочки, около нее дама за столиком продает билеты. Женщина встретила нас приветливо, мы купили билеты, зашли. Внутри этого сарая лишь перегородки — ни дверей, ни воды. Вдруг слышу вопль — та женщина к другой обращается: «Марусю, шо ж мы той телевизор обижали, мы ж с него гроши взяли! Где ж той режиссер?» — «Да тут я». — «Дай автограф!» Выходим — «Марусю, отдавай им гроши!»

досье «Антенны»

■ родился: 28 октября 1936 года во Львове

■ образование: в 1956 году окончил Государственный институт театрального искусства (ГИТИС) в Москве

■ карьера: работал в театрах Львова, Киева, Калинин (Твери), Вильнюса и Москвы, в 1991 году создал собственный Театр Романа Виктюка; поставил около 150 спектаклей

■ семейное положение: холост

предпочтения

■ еда: макароны по-флотски

■ алкогольный напиток: виски

■ безалкогольный напиток: клюквенный морс

■ машина: «мерседес»

■ отдых: на юге Италии

■ литература: дневники Марины Цветаевой, Михаила Кузмина

■ кино: «Смерть в Венеции», Лукино Висконти

■ музыка: Густав Малер

Роман мне 19 лет,

не крови, но склада души, — по которой люди собираются. Леша Серебряков, Дима Певцов, Лена Морозова, а еще Аллочка Демидова, Танечка Доронина — это все мои бабочки.

— Спектакль о Нуриеве вы ставили, выполняя обещание перед ним?

— Сначала была идея спектакля «Учитель танцев», где он у меня должен был играть вместе с Наташей Макаровой. Не получилось. Последняя наша встреча произошла во Флоренции, он танцевал «Шинель». Танцевал уже тяжело, просто плохо. Но кланялся так, что был большой успех. Я прихожу за кулисы — пустой коридор, никого. Он мне обрадовался. И, уходя, я пообещал, что поставлю о нем спектакль. Обычно он ерничал, а в этот раз не сказал ничего, лишь внимательно посмотрел. И в этом взгляде была уверенность, что спектакль состоится.

— Судя по тому, что вы четыре раза ставили «Мастера и Маргариту», к этому роману у вас особое отношение. Почему?

— Еще к «Анне Карениной» — ее я ставил три раза. Помню глаза Елены Сергеевны Булгаковой, которая не верила, что можно поставить «Мастера», — тогда Симонов только готовил публикацию романа в журнале. Первая постановка была в Вильнюсе, в советское время — тогда это только там и можно было позволить. Не было, конечно, никакой головы Сталина, как сейчас, только намок — сталинские сапоги. Потом в Таллине. Последний мой вариант — «Сны Ивана Бездомного»: я не повторяю старые постановки, это совсем другой спектакль. В романе есть много тайных шифров...

В Большой театр — по сигналу тревоги

— Я где-то читал, что вы в Вильнюсской библиотеке книги воровали. Это правда?

— Расскажу, как на самом

деле было. Там был спецхран, где хранились книжки, изданные до 1940 года и считавшиеся антисоветскими. Я придумал, что буду изучать Серебряный век, написал сам себе бумагу, министерство мне ее подписало. И вот я в комнате два на два метра. Ты входишь, и за тобой зашелкивается дверь. Бумагу — нельзя, ручку — нельзя, только читать можно. Но дама, руководившая библиотекой, была моей поклонницей. Она обязана была записывать все книжки, которые я читаю. Смотрю — а она пишет мне совсем другие книжки, безопасные. Я осмелел и стал читать т а к о е, стал приносить бумагу, переписывал. Из спецхрана я, конечно, ничего не выносил — посадили бы и меня, и ту даму.

А вот когда мы гастролировали с Вильнюским театром, у нас по всем городам были рейды. Особенно памятное место — Воронеж. Я узнал, где находится местный архив. Там в подвале — в пыли, в грязи — лежали до-революционные журналы: от «Аполлона» до «Мира искусства». И в стене — окошко без решетки. Какое счастье! Я копаюсь внизу, среди крыс и тараканов, а мои артисты сверху вытаскивают. Позже с Театром Моссовета в Краснодаре мы тоже удачно «поработали» по библиотекам — и Терехова в этом участвовала, и Тальзина, и Дробышева. Но эти книги до нас все равно никто не читал. Я открывал формуляры — пустые. И я говорил артистам: да лучше мы будем читать,

блиц-опрос

- Чай или кофе?
- Зеленый чай.
- Кошки или собаки?
- Собаки.
- Европа или США?
- США.
- Утро или вечер?
- Все равно.
- Этаж высокий или низкий?
- Низкий.
- Самолет или поезд?
- Самолет.
- Быстрая музыка или медленная?
- Медленная.

■ В годы учебы в ГИТИСе

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

взлеты

1958 — по окончании ГИТИСа вернулся во Львов режиссером местного ТЮЗа

1954 — приехал в Москву и поступил в ГИТИС

1936 — рождение

1960 — первая вынужденная смена места работы, переезд в Киев и начало скитаний по разным городам и театрам после нескольких конфликтов с местным начальством

1973 — приглашен преподавать в Московское эстрадно-цирковое училище

1968 — оседает в Вильнюсе, пользуется покровительством партийного руководства Литвы и впервые в СССР ставит на сцене «Мастера и Маргариту»

1991 — создание Театра Романа Виктюка

1990 — 1991 — скандальный успех спектаклей «М. Баттерфляй» и «Служанки», пик популярности

1987 — громкая премьера спектакля «Старая актриса на роль жены Достоевского» во МХАТе им. Горького. Спектакль идет до сих пор

1979 — накануне премьеры запрещен спектакль «Царская охота» в Театре Моссовета, позже разрешенный и имевший шумный успех

1992 — по ходатайству Михаила Ульянова получена квартира в элитном доме в Камергерском переулке

2001 — как актер снимается в телесериале «Ростов-папа»

2001 — к своему 65-летию юбилею выпускает «Мастера и Маргариту» в Москве

1997 — из-за смерти актрисы Ирины Метлицкой сорвалась постановка «Анны Карениной»

падения

■ РОМАН ВИКТЮК: люди как бабочки — летят на свет